

Политический выбор православных верующих в России: возможности и ограничения качественных и количественных исследований*

Юлия Карпич

Аспирант аспирантской школы по политическим наукам, стажер-исследователь,
Международная лаборатория региональной истории России,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: ykarpich@hse.ru

Исследователи религии и политики признают тот факт, что «религиозность» — многозначное понятие, основанное на сочетании принадлежности, практик и верований. При этом большинство работ опирается на количественную методологию, что позволяет фиксировать взаимосвязи религиозности и политического выбора верующих, но накладывает ограничение на возможность анализа взаимодействия аспектов религиозности и не позволяет достоверно объяснить обнаруженные взаимосвязи. В статье предлагается альтернативная стратегия исследования. В частности: 1) модель анализа, которая позволяет учитывать одновременное влияние как религиозных, так и не религиозных идентичностей, практик и верований; 2) использование качественных данных глубинных интервью с верующими позволит дополнить предыдущие исследования пониманием механизмов влияния религиозности на политический выбор. Предполагается, что верующему избирателю важна субъективная оценка своего положения и действий власти (вера). Оценка политической ситуации приводит к выбору в том случае, если: 1) принадлежность к социальной группе (идентичность) актуализирует политическую проблему и делает ее значимой лично для верующего; 2) набор норм и практик дает подсказки о том, как поступить в проблемной ситуации. Для апробации модели было проведено пилотное эмпирическое исследование в трех населенных пунктах Липецкой области (2019 г.). Результаты демонстрируют преимущества выбранной стратегии исследования. Объяснение разного политического выбора у респондентов, от которых по показателям количественных исследований ожидаются одинаковые политические установки, становится возможным благодаря учету мотивов и контекста, в котором совершается выбор.

Ключевые слова: православные верующие, религиозность, политическая идентичность, политические предпочтения, электоральное поведение, религия и политика

Место религии в политическом процессе России давно стало предметом внимания исследователей, которые обнаруживают связь религиозности с ценностными ориентациями (Чеснокова, 2005; Каарияйнен, Фурман, 2007; Ситников, 2011), политическим участием (Кулькова, 2015) и электоральными предпочтениями (Богачев, 2016). Сама Православная церковь вовлечена в политические события (Ухватова, 2018б), священнослужители поднимают политические вопросы перед прихожанами (Кулькова, 2015; Богачев, Сорвин, 2020). Тем не менее до сих пор не сложилось

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

четкого представления о механизмах, с помощью которых религиозность влияет на политический выбор россиян.

Ответ на этот вопрос зависит от способа измерения и концептуализации религиозности (Wald, Smidt, 1993), а наиболее распространенная схема анализа (Layman, 2001; Putnam, Campbell, 2012) предполагает выделение отдельных аспектов религиозности: принадлежность вероисповеданию («belonging»), религиозные практики («behaving») и религиозные верования («believing»).

Принадлежность к вероисповеданию обеспечивает общий социальный контекст, в котором люди связывают веру с политическими вопросами (Green, 2007). Поскольку ядро религиозной традиции — давно укрепившиеся нормы и ценности, они дают общую опору для формирования политических установок. Кроме того, священнослужители в состоянии актуализировать те или иные политические проблемы и связанные с ними ценности, тем самым повлияв на выбор прихожан. Сами политики могут использовать верующих как объект электоральной стратегии, апеллируя к духовным ценностям, взаимодействуя с религиозными организациями.

Религиозные *практики* усиливают обозначенные механизмы, они формируют солидарность и укрепляют связи между верующими внутри сообщества. Чем сильнее индивид вовлечен в церковное сообщество, тем глубже он разделяет общие ценности и тем вероятнее подвержен внутреннему влиянию и внешнему воздействию (Djupe, Gilbert, 2008).

Верования — содержательная сторона религиозности, не зависящая напрямую ни от принадлежности, ни от практик. При этом верования составляют основу мировоззрения людей, и то, как конкретные религиозные убеждения переживаются людьми, предопределяет их отношение к политическим вопросам (Driskell, Embry, Lyon, 2008).

Большинство подобных исследований опирается на узкие и специфичные количественные измерения (Пруцкова, Маркин, 2017), что позволяет фиксировать закономерности политического выбора, но скрывает возможность взаимодействия между аспектами религиозности и не позволяет достоверно объяснить обнаруженные закономерности (Driskell, Embry, Lyon, 2008). Поскольку принадлежности, практики и верования присущи всем верующим, можно предположить, что на политический выбор они оказывают одновременное, множественное воздействие.

Российский случай хорошо подходит для обоснования этого теоретического предположения. Большинство избирателей принадлежат одной церкви — Православной (по разным оценкам, количество православных достигает 68–74%¹). В то же время с середины 2000-х годов «Единая Россия» доминирует на выборах, что

1. 74%, по данным «Левада-центра» 2012 г. (<https://www.levada.ru/2012/12/17/v-rossii-74-pravoslavnyh-i-7-musulman/>); 68%, по данным ФОМ 2014 г. (<https://fom.ru/TSennosti/11587>); 71%, по данным Pew Research Center 2017 г. (<https://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe/>).

сводит выбор до трех альтернатив: поддержка власти — «Единая Россия» и В. Путин; поддержка любой другой партии/лидера; и неучастие в выборах (уровень абсентеизма высок и на парламентских, и на президентских выборах; явка на выборах в Думу 2016 года — 47,88%; на выборах президента в 2018 году — 67,54%²).

Из-за особенностей российской религиозности схему «принадлежности — практики — верования» следует уточнить. В данном исследовании «принадлежность» будет переопределена на «идентичность»: принадлежность предполагает институциональную привязку к церкви, а для российского случая важно учитывать верующих без сильных связей с РПЦ, но идентифицирующих себя с православием. Альтернативы политического выбора, согласно подходу А. Хиршмана, получают названия: стратегии «лояльность», «голос» и «выход» (Hirschman, 1970).

Разработка модели анализа, которая будет направлена на работу с данными, полученными из глубинных интервью, позволит снять ограничения количественных измерений и дополнит исследования религии и политики пониманием механизмов влияния религиозности на политический выбор верующих.

Статья состоит из четырех разделов. В первом обсуждаются подходы к определению влияния религиозности на политический выбор; во втором анализируются результаты предыдущих исследований, рассматривающих влияние идентичностей на выбор православных россиян, а также — влияние практик; в третьем предлагается альтернативная стратегия исследования, обсуждается методология и демонстрируются возможности применения собственной модели анализа на эмпирическом материале; в заключении подводятся итоги исследования.

Влияние религиозности на политический выбор

Дискуссии о влиянии религиозности на политический выбор традиционно строятся вокруг двух подходов: первый подчеркивает социально-коллективную природу религиозности; второй делает упор на индивидуальные убеждения (веру).

В логике социально-коллективного подхода выбор определяется принадлежностью к религиозному сообществу и религиозными практиками (Djupe, Gilbert, 2008). Вовлекаясь в церковную жизнь, верующие развивают навыки участия, которые потом «перетекают» на участие политическое (Peterson, 1992). Церковь способствует политической социализации и мобилизации прихожан (Holman, Shockley, 2017; Smith, 2017).

Критики подхода утверждают, что принадлежность и практики не имеют (или почти не имеют) независимого эффекта (Stark, 2001). Социальные связи и навыки участия, полученные в общине, сами по себе на политику не распространяются (Djupe, Gilbert, 2006), для этого у верующих должна сложиться индивидуальная предрасположенность (Djupe, Grant, 2001; Schwadel, 2005). Л. Смит и Л. Уокер ут-

2. Данные Центральной избирательной комиссии: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

верждают, что предрасположенность создают убеждения людей (Smith, Walker, 2013).

Соответственно, сторонники второго подхода отстаивают точку зрения, согласно которой прихожанам важны верования, лежащие в основе религиозного поведения, а не само поведение; индивидуальные убеждения оказывают прямое, непосредственное воздействие на политический выбор (Stark, 2001; Smith, Walker, 2013). Верования помогают интерпретировать политические события, послания и действия политиков, могут мобилизовать верующих на политическую активность (Wielhouwer, 2017).

Модель анализа «принадлежность — практики — верования» — результат поиска компромиссного решения. Она учитывает предпосылки двух подходов и позволяет сравнивать влияние, которое разные аспекты религиозности оказывают на политический выбор.

Аналогичная дискуссия в России строилась вокруг попытки объяснить разрыв между числом идентифицирующих себя с православием (68–74%) и долей воцерковленных (3–13%³). В исследованиях сложились два аналитических подхода: 1) широкая трактовка — религиозность как самоидентификация; 2) дифференциация группы православных на основе уровней религиозности для выявления церковно-ориентированной религиозности (Маркин, 2018).

Общим для исследователей будут указания на смещение православной принадлежности в сторону государственной, национальной или этнической идентичности (Филатов, Лункин, 2005; Каарияйнен, Фурман, 2007; Куперман, Сайгал, Шиллер, 2017) и размывание относящихся к православию убеждений (Зоркая, 2009; Каргов, Lisovskaya, Barry, 2012). Поэтому то, что в западном контексте называется «принадлежностью», в случае с Россией заменяется «идентичностью»; религиозные верования смешиваются со светскими убеждениями; вариации политического выбора в первую очередь связываются с частотой совершения практик.

Влияние идентичностей

Спор о влиянии религиозности на политический выбор россиян долгое время опирался на простое противопоставление групп «православных» и «неверующих». Сторонники широкой трактовки религиозности считают самоидентификацию достаточным основанием для причисления респондентов к группе верующих (Мчедлов, Филимонов, 1999; Мчедлов, Гаврилов, Шевченко, 2004). Православных много, соответственно, религиозность оказывает существенное воздействие на политические установки россиян. Противоположная позиция — религиозная идентичность должна подкрепляться религиозной практикой и следованием вероучению,

3. Учитывается посещение религиозных служб, исповедь, причастие (Религиозная вера в России. «Левада-центр». URL: <https://www.levada.ru/2011/09/26/religioznaya-vera-v-rossii/>; Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг. Фонд Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11587>).

что существенно снижает число людей, соответствующих критериям отбора, поэтому доля «истинных» верующих и их политическая позиция не значима в секулярном обществе (Воронцова, Филатов, Фурман, 1995; Филатов, Лункин, 2005).

Эмпирическое развитие вопрос о влиянии религиозных идентичностей получил в работе В. Локосова и Ю. Синелиной (Локосов, Синелина, 2008). Они используют данные всероссийского исследования ИСПИ РАН (2004 г.) и приходят к выводу: «Разделение по политическим лагерям проходит в основном без учета разделения людей на верующих и неверующих... религиозные, конфессиональные отношения занимают свою мировоззренческую, социокультурную нишу и не переходят в политическую плоскость» (Там же: 156). Анализируя данные 2018 года (Институт социологии ФНИСЦ РАН), М. Мchedлова и Е. Кофанова заключают, что религиозный фактор не оказывает существенного воздействия на оценку социально-политической ситуации в стране представителями разных религиозно-мировоззренческих групп (Мchedлова, Кофанова, 2020). А. Кулькова (Кулькова, 2015) обнаруживает доказательства противоположной позиции. На данных Европейского социального исследования (2012 г.) она находит связь между идентификацией и политическим участием — православные верующие политически менее активны по сравнению с атеистами (стратегия «выход»).

Обратив внимание на явную ограниченность этих вводов, исследователи стали учитывать внутреннюю неоднородность группы верующих (Чеснокова, 2005; Каарияйнен, Фурман, 2007; Синелина, 2009; Ситников, 2012; Кулькова, 2015; Богачев, 2016; Ухватова, 2018а). Если раньше речь шла об одной идентичности — «православные», то новый вариант предполагает дифференциацию православных на основе уровней религиозности.

Влияние практик

Наибольшее распространение получил способ дифференциации, предложенный В. Чесноковой (Чеснокова, 2005). Индекс воцерковленности использует в основе классификации практики⁴. Религиозное мировоззрение (вера) — производные от практик и изменяются в процессе воцерковления. Эту же логику впоследствии развивали Ю. Синелина и А. Ситников, изменяя количество групп верующих и опорные вопросы для дифференциации (Синелина, 2009; Ситников, 2012). Д. Фурман и К. Каарияйнен (Каарияйнен, Фурман, 2007) используют смешанную классификацию: критериями разделения выступают позитивное отношение к религии, самоидентификация и личная вера, которые должны подкрепляться религиозными практиками. М. Богачев (Богачев, 2016) упрощает методику Чесноковой, используя в качестве критерия только частоту посещения религиозных служб. А. Кулькова (Кулькова, 2015) совмещает религиозные практики с идентичностью, которую она измеряет через аффилиацию и оценку собственной религиозности.

4. Переменные: частота посещения храма, причащения, регулярность чтения текстов Священного Писания, форма молитвы, пост.

Принцип, предложенный М. Ухватовой (Ухватова, 2018а), предполагает выделение группы «верующих активистов» и «обрядовых верующих». Первые идентифицируют себя с православием, но общественная деятельность для них важнее религии; вторым важна обрядовая часть веры.

Итак, исследователи российского случая так или иначе признают логику операционализации религиозности через идентичности, практики и веру, но никто не использует одновременно все три измерения. Следуя за Чесноковой, большинство отдает приоритет практикам и ищет связанные с практиками закономерности политического выбора.

Чеснокова (Чеснокова, 2005) работает с изменением ценностных установок в процессе воцерковления (см. табл. 1). Данные всероссийского исследования (ФОМ в 1992, 2000 и 2002 гг.) показывают, что лояльность верующих падает с ростом религиозности, параллельно падает интерес к мирским делам («выход»).

Таблица 1. Ценностные установки и мотивы поведения верующих по подгруппам (исследование В. Чесноковой)

Группы	Ценностные установки	Мотивы поведения
Очень слабо воцерковленные (О)	Устоявшиеся предпочтения Консерватизм, естественный патриотизм	Хотят принадлежать большому социальному целому (т. е. стране)
Слабо воцерковленные (С)	Деидеологизированность «Быть русским — значит, быть православным»	Не интересуются социальными вопросами
Немного воцерковленные (Н)	Деидеологизированность	Подвержены внешнему влиянию
Полувоцерковленные (П)	Отчуждение от государства Централизованный контроль, «жесткая рука»	Приоритет духовных/религиозных мотивов
Воцерковленные (Ц)	Отчуждение от государства «Естественный национализм»	«Закрываются» от мира; не подвержены манипуляции Не мотивированы экономически

Это исследование хорошо отражает влияние практик на установки верующих, но поскольку политика не была центром работы Чесноковой, ее выводов недостаточно для объяснения политического выбора.

К влиянию практик Ситников добавляет влияние околоцерковных идентичностей (Ситников, 2007). В 2006 году он проводил опрос студентов православных и светских университетов с целью выделения их политических ориентаций (см. рис. 1). Студенты православных вузов разделяют более консервативные взгляды, нежели учащиеся светских университетов (даже наиболее воцерковленные из них), но сама связь между религиозностью и консерватизмом не обнаруживается: «На политическую ориентацию верующих влияет не собственно православная

религиозность, но определенная субкультура, обусловленная не столько вероучением, сколько особыми пластами околоцерковных идеологий и традиций» (Там же: 98).

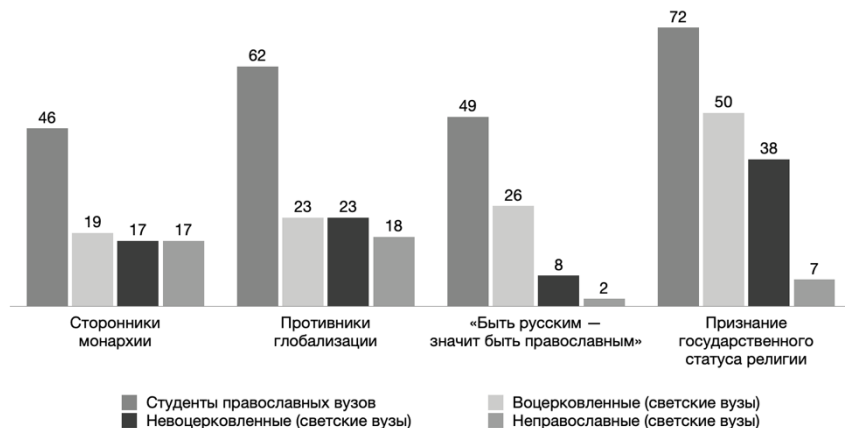

Рис. 1. Общественно-политические ориентиры студентов (данные Ситникова, 2006 г., в %)

В другом исследовании Ситникова (Ситников, 2011) рассмотрено отношение православных к либерализму и демократии. Данные опроса жителей Москвы, Твери и Костромы (2008–2009 гг.) указывают на то, что религиозность не определяет отношение людей к базовым демократическим ценностям (свободные выборы, принцип разделений властей), но формирует мнения в отношении свободы вероисповедания или средств массовой информации (см. рис. 2). Иными словами, при воцерковленности изменяются не все ценностные установки верующих (как считает Чеснокова), а только переменные, связанные с культурой; политические остаются без изменений.

Конкретных указаний на политическое поведение или электоральный выбор в исследованиях Ситникова нет. Обнаружив отдельное влияние околоцерковной идентичности и уточнив идею Чесноковой об изменении ценностных установок, Ситников не объясняет склонность к какому-либо политическому выбору.

В исследовании Д. Фурмана и К. Каарияйнена (Каарияйнен, Фурман, 2007) появляется вопрос о влиянии консерватизма на политические установки верующих: данные разных временных периодов говорят о смене стратегии «выход» на «лояльность» (Там же: 89–90). На начало 1990-х годов верующие, особенно наиболее религиозные, тяготели к коммунистической риторике. С переходом к авторитарной модели управления верующие стали опорой «жесткой» власти, поддерживая ее антидемократическую и антизападническую позиции.

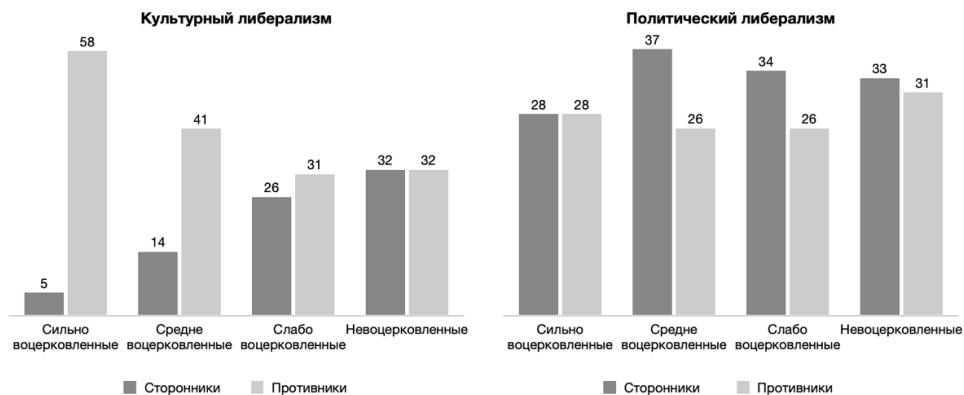

Рис. 2. Политические установки верующих по подгруппам (данные Ситникова, 2008–2009 гг., в %)

Склонность к лояльности объясняется влиянием идентичностей и веры, но не религиозных. Говоря об укреплении православного консенсуса, Фурман и Каарийнен указывают на смену религиозных идентификаций на идеологические — категория «православный» добавляется к этнониму «русский», а «верующий» становится символом «нормативности» (Там же: 84). Фурман и Каарийнен оспаривают главную идею предыдущих работ — религиозность влияет на политический выбор (Там же: 89–89). В их исследовании из трех факторов (пол, возраст и религиозность) возраст оказывает большее воздействие и на моральные оценки людей, и на политические взгляды (пожилые люди склонны к антидемократическим, антирыночным позициям).

Таким образом, исследователи анализируют: провластные настроения; противопоставление «консервативных» и «либерально-демократических» ценностей; разделение сфер политики и культуры. Такие установки полностью не объясняют политический выбор, но делают значимый вклад в понимание политических взглядов, поэтому последующие исследования фокусируются именно на политическом поведении и электоральных предпочтениях верующих.

Не обнаружив связь с идентичностями, В. Локосов и Ю. Синелина указывают на влияние практик (см. рис. 3). Воцерковленные и невоцерковленные верующие в разной степени готовы поддерживать политическую систему — чем выше уровень религиозности, тем сильнее провластные настроения и выше лояльность (Локосов, Синелина, 2008).

Согласно исследованию Кульковой (Кулькова, 2015), религиозная идентификация склоняет верующих к «выходу», но проявляется только в 2012 году. Посещение служб и чтение молитв стабильно сказываются на политических практиках вне зависимости от конфессиональной принадлежности. Оценка собственной религиозности положительно влияет на склонность к голосованию. Для идентифицирующей

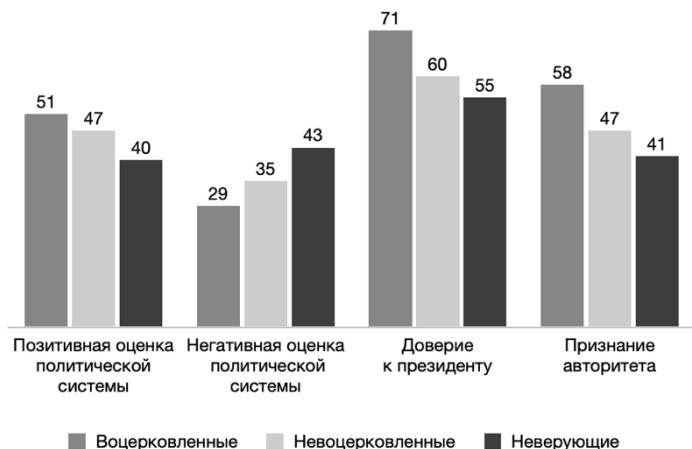

Рис. 3. Политические установки верующих по подгруппам (данные ИСПИ РАН, 2004 г., в %)

щих себя с православием эффект от религиозного участия стабилен во времени, но проявляется меньше, чем для атеистов и мусульман (см. табл. 2).

Таблица 2. Влияние религиозных предикторов на формы политического участия (исследование А. Кульковой)

Формы политического участия	Принадлежность	Посещение служб	Молитва	Оценка собственной религиозности
Политическое участие (аддитивный индекс)	–	+		
Выборы, Дума 2011				+
Контакты с политиками		+	+	–
Партийная деятельность	–			
Работа в общественных организациях	–	+		
Демонстрация политической символики	–	+	+	
Петиции	–	+	+	
Демонстрации		+		
Бойкотирование продукции		+		

Выводы М. Богачева (Богачев, 2016) говорят о нелинейной зависимости воцерковленности (частоты посещения служб) и лояльности религиозного электората. Результаты кросс-табуляционного анализа воцерковленности и электорального

выбора верующих (2004–2012 гг.)⁵ подтверждают 1) дифференциацию предпочтений отдельных подгрупп и 2) наличие связи между воцерковленностью и партийными идентификациями православных (см. табл. 3).

Таблица 3. Влияние уровня религиозности на электоральное поведение (исследование М. Богачева)

Электоральный выбор	Не посещающие службы	Раз в год и реже	Несколько раз в год	Раз в месяц	Каждую неделю
Единая Россия	–	–	+	+	–
Родина	–		+		+
КПРФ		–		+	+
Не ходил на выборы	+		–	–	+

Характер распределения предпочтений говорит о том, что электоральная поддержка «Единой России» растет вместе с частотой посещения до уровня «раз в месяц», и падает при дальнейшем воцерковлении (параболообразная форма связи). При этом поддержка КПРФ и «Родины» возрастает последовательно. Поддержка последних достигает максимума в группе сильновоцерковленных; эти же верующие меньше всех готовы голосовать за «Единую Россию» и реже ходят на выборы.

Данные авторского опроса 2014–2015 годов (Богачев, 2017) оказались не идентичными материалам 2011–2012 годов. Их анализ указывает на монотонный рост поддержки правящей партии (Там же: 184–186). Эти же данные говорят о том, что с частотой посещения растет доля прислушивающихся: к мнению священников — с 3,1 до 20%; к мнению членов общины — с 8,3 до 21,2% (Богачев, Сорвин, 2019), а «Единая Россия» — главный бенефициар агитации и обсуждения политики в церкви (Богачев, Сорвин, 2020).

Результаты регрессивного анализа М. Ухватовой (Ухватова, 2018а) подтверждают наличие не сильной, но значимой связи между религиозностью (значение фактора «обрядовые верующие» и доля православных) и голосованием за «Единую Россию» на выборах 2011–2016 годов и за В. Путина в 2012 году. Иными словами, религиозные практики (соблюдение ритуалов) — фактор провластных ориентаций.

Итак, приоритет в исследованиях отдается поведенческим аспектам религиозности, в первую очередь — посещению религиозных служб/мероприятий. Исследователи фиксируют ряд закономерностей, однако однозначного вывода о влиянии религиозности на политический выбор православных у них нет. В работах о политическом участии (выбор между стратегией «выход» и альтернативами) есть общее представление о положительной связи политической и религиозной активности верующих. Вопрос о влиянии именно православной традиции остается открытым. Большинство работ подтверждают дифференциацию предпочтений

5. Данные: Тарусин, 2006.

отдельных групп верующих и связь электорального выбора с воцерковленностью (практики). При этом выводы об установке на лояльность и склонности к поддержке правящей партии противоречат друг другу.

Альтернативная стратегия исследования

Вероятно, несогласованность выводов становится результатом того, что исследователи не учитывают одновременное влияние и религиозных, и нерелигиозных идентичностей, практик и верования на политический выбор верующих избирателей. Например, идентичность: на электоральный выбор в равной степени могут сказаться нормы/ценности, сложившиеся в религиозной общине, членом которой является верующий, и такие же нормы/ценности, сложившиеся в семье. При этом если верующий чаще обсуждает политику с родственниками, а не с членами общины — это может стать ключевым моментом принятия решения при голосовании (практики). С другой стороны, каждый человек самостоятельно истолковывает политические вопросы исходя из веры в то, что кажется ему важным, правильным и т. п.

Какой должна быть модель, объясняющая политический выбор верующих?

1) Сложность измерения религиозных верований и низкий потенциал влияния идентичности заставляет часть исследователей фокусироваться на практиках. Это позволяет выделить закономерности религиозного и политического поведения. Однако религиозность прежде всего элемент сознания, и религиозные практики сами по себе не могут определить политический выбор. Практики выступают лишь индикатором укорененности веры в мировоззрении людей.

2) Объяснение, опирающееся исключительно на религиозную идентичность, не находит четкого подтверждения в эмпирических исследованиях. Но принадлежность не бесосновательно используется в моделях анализа: она оказывает косвенное воздействие на политический выбор через влияние на мировоззрение; без принадлежности к вероисповеданию невозможно говорить о работе других религиозных механизмов.

3) Социально-демографические факторы также не дают полного объяснения. Обычно это влияние противопоставляется влиянию религиозности, но очевидно, что они влияют на поведение верующих и могут формировать дополнительные идентичности (по возрасту, экономическому положению и т. п.).

4) Объяснение, которое меньше всего учитывается в исследованиях, строится на теории рационального выбора — важно понимать, как избиратели оценивают свое положение и действие власти (Fiorina, 1978). Для верующих избирателей оценки важны в контексте сочетания религиозных и светских убеждений — с укоренением религиозного мировоззрения рациональные мотивы поведения сменяются приоритетом духовности и внутреннего мира.

Достоверная модель не должна опираться на отдельные аспекты объяснения — нужно понять, какой набор идентичностей, практик и верований подталкивает

избирателя к решению. Учитывать необходимо: 1) религиозную веру и светские убеждения, определяющие субъективную оценку своего положения и действий власти; 2) идентичности — субъективную принадлежность к социальным группам; 3) практики, показывающие включенность в религиозную и политическую активность.

Политический выбор определяется с опорой на теорию А. Хиршмана: «лояльность» — голосование за «Единую Россию» и В. Путина; «голос» — поддержка любых других партий/кандидатов; «выход» — неучастие в выборах (Hirschman, 1970).

К политическому выбору приводят следующие механизмы. Вера помогает оценить политическую ситуацию и увидеть значимые для выбора проблемы: позитивная оценка склоняет к «лояльности», негативная к «голосу» или «выходу». Идентичность актуализирует проблему и делает ее значимой лично для человека: верующий, считающий проблему своей собственной, будет мотивирован к решению. Нормы и практики подсказывают, как справиться с проблемой: принять или нет участие в выборах.

Работа с моделью накладывает методологические ограничения — необходимо принимать в расчет мотивы поведения людей. Само по себе предположение «действие X следует из Y» мало что значит без обоснования неслучайности связи. Люди действуют согласно своей воле и вкладывают в действия определенный смысл. Количественный анализ может зафиксировать закономерности поведения, но не может показать, какое место из общего набора идентичностей, практик и верований занимают именно религиозные идентичности, практики и верования. Решение этой проблемы — качественная методология и концентрация исследования на ограниченном количестве случаев, наиболее репрезентативных.

В этом смысле интересна одна специфическая закономерность: 1) из исследований известно, что во время трех парламентских электоральных циклов (2003, 2007 и 2011 гг.) поддержка правящей партии падала среди наиболее воцерковленных групп верующих, параллельно росла вероятность абсентеизма и поддержки КПРФ и «Родины» (Богачев, 2016); 2) области Центрального Черноземья отличаются значимостью религиозного фактора в провластном голосовании в 2011–2012 гг. (Ухватава, 2018). Так, Липецкая область по доле православных занимает одно из первых мест в стране (71% жителей области идентифицирует себя с православием)⁶. При этом здесь одновременно отмечается 1) повышенная явка избирателей и поддержка «Единой России» и 2) традиционно высокий уровень поддержки КПРФ. Другими словами, высокая доля православных верующих ожидаемо должна привести к «голосу» или «выходу», но в случае с Липецкой областью этого не происходит. Такое противоречие дает основание усомниться в том, что повышенная религиозность оказывает какое-либо определенное влияние на политический выбор. Возможно, здесь можно найти эмпирическое подтверждение множественного воздействия идентичностей, практик и верований на политический выбор верующих.

6. Атлас религий и национальностей России. Исследовательская служба «Среда»: <http://sreda.org/arena>.

Апробация модели. Методология пилотного исследования

Для эмпирической проверки модели и гипотезы о множественном воздействии было проведено пилотное эмпирическое исследование в Липецкой области (2019 г.). Материалом для анализа послужили 30 глубинных полуструктурированных интервью с православными жителями региона. Среди респондентов верующие разного уровня религиозности. Для сопоставимости результатов в качестве критерия дифференциации используется частота посещения религиозных служб: каждую неделю, раз в месяц, несколько раз в год, раз в год и реже, не посещаю религиозных служб. Круг вопросов гайда опирался на теоретическую рамку исследования — верующим задавались вопросы об их политических предпочтениях, участии в политике, отношении к политикам/чиновникам и политике в целом; об отношении к вере, о совершаемых религиозных практиках, участии в жизни общины и т. п. Анализ интервью проводился методом тематического кодирования. Категории кодирования соответствуют модели анализа:

- Идентичность — указание на противопоставление «я/мы/наш» и «они/их/не наш». Например: «У вас у молодежи совсем другие понятия. А я родилась в Советском Союзе, мы раньше...»
- Практики — отражение действия: «[Хожу в храм], родителей своих **поминаю**».
- Вера — утверждения, раскрывающие мировоззрение, отношение к политической ситуации: «У меня какое-то **пессимистическое убеждение**, что с властью нашей ничего не сделаешь»; «**Слава Богу**, он [Путин] не стесняется в храм ходить, креститься». Дополнительно выделены нормы и ценности, задающие модели поведения людей: «Нужно как-то **уметь приспособливаться, выживать**».

Религиозные и нерелигиозные идентичности, практики, верования кодируются отдельно.

Возможности применения модели

Для того чтобы продемонстрировать возможности модели, подробно рассмотрим двух респондентов. Женщины одинакового возраста (45–50 лет), в равном социально-экономическом положении. Они совпадают по частоте посещения служб и в негативной оценке действий правительства. В логике предыдущих исследований респонденты попадают в одну типологическую группу по уровню религиозности, где от них ожидаются схожие политические установки и идентичности. Анализ интервью позволяет утверждать, что это не так.

Респондент 1 — пример сочетания высокой степени воцерковленности (посещает храм раз в неделю) со стратегией «выход». Результаты анализа интервью в таблице 4.

Таблица 4. Интервью с Респондентом 1

Вера	Идентичности	Практики	Нормы/ценности
Справедливость в СССР / Несправедливость сейчас	Пенсионеры / Молодежь Работники / Начальство Семья / Другие	Не интересуется (политикой)	Не замечать проблемы
	Из религиозной семьи	Посещение по большим праздникам Ходит после работы, поминает родных Не общается с прихожанами	День прошел — и «слава тебе, Господи»

Механизмы, влияющие на Респондента 1, приводят к неучастию в выборах. Респондент идентифицирует себя с тремя группами: семья/другое окружение; пенсионеры/молодежь; работники/начальство. С этими идентичностями связан соответствующий набор проблем: в семье случаются конфликты; молодежь пытается навязать свои принципы; начальники поступают неуважительно. На этом фоне значимым для нее становится вера в прошлое: в СССР было равенство и множество возможностей, которые сейчас сменились на несправедливое отношение к людям (т. е. к ней, как к пенсионеру и работающему человеку, и к семье, как к объекту социальной защиты государством). Для решения всех проблем у нее есть одна модель поведения — игнорирование и переключение внимания на семью. Дела молодежи ее не касаются, отношение начальства и власти можно игнорировать, конфликты в семье — не замечать: «Я на выборы не хожу. Я реальный человек — прошел день, и все. Мне сын тоже говорит: «Зачем так затыкаться — работа-дом-работа?» Он у меня психолог... Я ему: «Ты меня не раскручивай. У вас, у молодежи, совсем другие понятия. А я родилась в Советском Союзе, мы раньше и стеснялись, и лишнее слово боялись сказать. Так что нет, меня уже не воспитывай».

Если религиозные механизмы оказывают влияние на политический выбор респондента, то они должны либо усиливать склонность к «выходу», либо подталкивать к другому решению. В этом случае воздействие согласованное; религиозные и нерелигиозные механизмы усиливают друг друга. Семья для нее — смысл прихода в церковь. Респондент воспитывалась в религиозной семье и ходит в церковь преимущественно для поминания родителей. Другими словами, идентичность и регулярные религиозные практики согласуются с приоритетом семьи. Религиозная вера при этом помогает игнорировать мирские проблемы: «Вот отработал, и все нормально. Слава тебе, Господи. Вот так и живем, вот такая позиция».

Респондент 2 также относится к наиболее воцерковленным верующим (посещение служб — раз в неделю), но в вопросе политического выбора она колеблется между разными вариантами (результаты в табл. 5).

Таблица 5. Интервью с Респондентом 2

Вера	Идентичности	Практики	Нормы/ценности
<p>Власть: будущее зависит от власти; власть не сильная</p> <p>Политики: просто хотят власти; не заботятся об образовании</p> <p>Выборы: нечестные; все решено без людей; несправедливо, что принуждают голосовать</p> <p>Протестовать не с кем</p>	<p>Мы / Власть</p> <p>Россия / Мир</p>	<p>Муж говорит ходить на выборы</p> <p>Ходит на выборы</p>	<p>«Нужно просто уметь приспособливаться»</p> <p>«Нужно пример детям показать [идти на выборы]»</p> <p>Заимствовать не нужно (национальная идея)</p>
<p>У священнослужителей действует благодать</p> <p>Путин: ходит в храм — хорошо</p>	<p>Миряне / Священнослужители</p> <p>Верующие / Атеисты</p> <p>Православные / Мусульмане, нерусские</p>	<p>Священнослужитель: она слушает и спрашивает; он призывает идти на выборы</p> <p>Община: «общаемся иногда»</p>	<p>Надежда на Бога; «надежда, что все к Богу придут»</p> <p>Мусульмане, нерусские: «приходится мириться»</p>

Респондент 2 — пример несогласованного действия механизмов. Один набор механизмов склоняет ее к «выходу». Идентичность, сформированная по принципу «мы/власть, политики», актуализирует в ее мировоззрении веру в то, что люди зависят от политиков, но не могут повлиять на результаты голосования, выборы нечестные и протестовать против этого не имеет смысла. Сформировавшаяся норма поведения предлагает модель, которая помогает справляться с проблемами: «Нужно как-то уметь приспособливаться, выживать».

Второй набор толкает к альтернативе. Идентичность, завязанная на семью, в сочетании с тем, что муж респондентки говорит о необходимости ходить на выборы (практика), дают другую норму поведения — нужно принимать позицию мужа и подавать пример детям: «Выбирать-то не из кого. Смысл-то какой... но я хожу. Я так думаю, что и без меня бюллетень бы использовали. Просто как-то муж говорит: «Нет, все идем». Но и детям нужно пример подавать. Но я, честно говоря, не верю в выборы». К этому набору добавляется логика, основанная на противопоставлении «миряне/священнослужители» (идентичность). Уважение к институту наставничества и вера в благодать священнослужителя заставляют ее прислушиваться к наставлениям священника (практика): «У нас священник всегда говорит в день выборов: «Вы должны пойти и отдать свой гражданский долг».

Здесь религиозные и нерелигиозные идентичности, практики и верования конфликтуют друг с другом, толкая респондента к разным стратегиям, но механизм, склоняющий к «выходу», оказывается слабее механизма, заставляющего идти голосовать.

В итоге одинаковая идентичность — «семья/другие» включена у двух респондентов в разные механизмы, что приводит к разному политическому выбору. Простое количественное измерение смогло бы зафиксировать сам факт наличия приоритета на семью; работа с интервью, кроме этого, позволяет провести различие между двумя случаями, увидев ключевой момент — контекст, в котором происходит выбор, и смысл, подразумеваемый людьми.

Заключение

Признавая значимость верований и идентичностей в вопросе влияния религиозности на политический выбор верующих, предыдущие исследователи отдавали предпочтение измерению поведенческих показателей. Это позволило выявить ряд закономерностей в связях между показателями религиозности и политическими установками, поведением, электоральным выбором православных верующих. Однако количественная методология накладывает ограничение на объяснительную возможность моделей.

Альтернативная стратегия исследования учитывает множественное воздействие как объективных показателей практик, так и субъективных показателей идентичностей и веры (убеждений). Вера и идентичности определяют значимость политической проблемы в жизни верующего, практики и нормы предлагают способы ее решения.

Апробация модели на материалах глубинных интервью позволила увидеть взаимодействие отдельных аспектов религиозности, их одновременное влияние на политический выбор. Респонденты, выбранные для анализа, совпадают по тем параметрам, на которые ориентируются количественные исследования: одинаковые социально-демографические характеристики, одинаковая религиозная идентичность, негативная оценка политической ситуации, частота совершения религиозных практик. В этих условиях от верующих ожидается одна стратегия политического поведения, но респонденты совершают разный выбор. Причина — одинаковым параметрам придается разный смысл, и влияют на выбор они в сочетании с другими механизмами, индивидуальными для каждого респондента.

Этот вывод наиболее интересен в отношении частоты посещения религиозных мероприятий, считающихся самым объективным показателем в количественных измерениях. Посещение также будет иметь разный эффект, в зависимости от смысла посещения (зачем посещают и что именно делают).

Кроме того, значимыми становятся не только религиозные идентичности, практики и верования, но и светские, влияние которых противопоставлялось религиозным или выпадало из анализа в предыдущих исследованиях.

Если раньше анализ идентичностей сводился к противопоставлению «православные/неверующие» или к социально-демографическим характеристикам, то сейчас есть основания говорить о влиянии неоднородного набора разных идентичностей.

Несмотря на ограничения пилотного исследования, уже на данном этапе очевидно, что в фокусе исследования должны быть сами верующие (индивиды). Полученные выводы обеспечивают первоначальную поддержку предлагаемой модели объяснения политического выбора, которая может быть дополнительно изучена в дальнейших исследованиях.

Литература

- Богачев М. И. (2016). Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ // Религиоведческие исследования. № 13. С. 8–76.
- Богачев М. И. (2017). Явление дифференцированной воцерковленности православных россиян и его связь с партийными предпочтениями. Дисс. ... канд. соц. наук (19.01.2018). М.: Высшая школа экономики.
- Богачев М. И., Сорвин К. В. (2019). Политика в Церкви: воздействуют ли священники на электоральные предпочтения православных верующих? // Мир России. Т. 28. № 4. С. 68–91.
- Богачев М. И., Сорвин К. В. (2020). Политика в Церкви: за кого агитируют православные священники? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3. С. 331–361.
- Зоркая Н. (2009). Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения. № 2. С. 65–84.
- Каарийнен К., Фурман Д. Е. (2007). Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий (Окончание) // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–95.
- Кулькова А. Ю. (2015). Религиозность и политическое участие: роль политики в российских религиозных общинах. Препринт ВШЭ. Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ». № 2.
- Куперман А., Сайгал Н., Шиллер А. (2017). Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе. Доклад Исследовательского центра Пью. URL: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (дата доступа: 02.11.2020).
- Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. (2008). Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян // Мchedлов М. П. (ред.). Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М.: Институт социологии РАН. С. 135–158.
- Маркин К. В. (2018). Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 2. С. 274–290.

- Мчедлов М. П., Гаврилов Ю. А., Шевченко А.* (2004). Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социологические исследования. № 9. С. 95–101.
- Мчедлов М. П., Филимонов Э. Г.* (1999). Социально-политические позиции верующих в России // Социологические исследования. № 3. С. 103–107.
- Мчедлова М. М., Кофанова Е. Н.* (2020). Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 22. № 1. С. 7–21.
- Пруцкова Е. В., Маркин К. В.* (2017). Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. № 8. С. 95–105.
- Синелина Ю. Ю.* (2009). Этапы изменения религиозности населения в России (1989–2006) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 4. С. 77–88.
- Ситников А. В.* (2007). Влияние православия на политические предпочтения граждан России // Социология власти. № 3. С. 126–135.
- Ситников А. В.* (2011). Религия в демократическом обществе: как влияет воцерковленность на политическую культуру? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. № 20. С. 19–28.
- Ситников А. В.* (2012). Православие, институты власти и гражданского общества в России. СПб.: Алетейя.
- Тарусин М. А.* (2006). Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества. М.: Журнал «Эксперт».
- Ухватова М. В.* (2018а). Религия и электоральное поведение в России: региональный аспект // Вестник Пермского университета. Политология. № 4. С. 26–48.
- Ухватова М. В.* (2018б). Напутствия охранителей (религиозная риторика на инаугурациях российских губернаторов) // Полития. № 2. С. 84–101.
- Филатов С. Б., Лункин Р. Н.* (2005). Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Россия и мусульманский мир. № 10. С. 42–53.
- Чеснокова В. Ф.* (2005). Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект.
- Djupe P. A., Calfano B. R.* (2013). Divine Intervention? The Influence of Religious Value Communication on US Intervention Policy // Political Behavior. Vol. 35. № 4. P. 643–663.
- Djupe P. A., Gilbert C. P.* (2006). The Resourceful Believer: Generating Civic Skills in Church // Journal of Politics. Vol. 68. № 1. P. 116–127.
- Djupe P. A., Gilbert C. P.* (2008). The Political Influence of Churches. Cambridge: Cambridge University Press.
- Djupe P. A., Grant J. T.* (2001). Religious Institutions and Political Participation in America // Journal for the Scientific Study of Religion. Vol. 40. № 2. P. 303–314.

- Driskell R., Embry E., Lyon L.* (2008). Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation // *Social Science Quarterly*. Vol. 89. № 2. P. 294–314.
- Fiorina M. P.* (1978). Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-analysis // *American Journal of Political Science*. Vol. 22. № 2. P. 426–443.
- Green J. C.* (2007). *The Faith Factor: How Religion Influences American Elections*. Santa Barbara: Praeger.
- Hirschman A. O.* (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Harvard: Harvard University Press.
- Holman M. R., Shockley K.* (2017). Messages from Above: Conflict and Convergence of Messages to the Catholic Voter from the Catholic Church Hierarchy // *Politics and Religion*. Vol. 10. № 4. P. 840–861.
- Karpov V., Lisovskaya E., Barry D.* (2012). Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities // *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 51. № 4. P. 638–655.
- Layman G.* (2001). *The Great Divide: Religious and Cultural Conflict in American Party Politics*. New York: Columbia University Press.
- Peterson S. A.* (1992) Church Participation and Political Participation: The Spillover Effect // *American Politics Quarterly*. Vol. 20. № 1. P. 123–139.
- Putnam R. D., Campbell D. E.* (2012). *American Grace: How Religion Divides and Unites Us*. New York: Simon & Schuster.
- Schwadel P.* (2005). Individual, Congregational, and Denominational Effects on Church Members' Civic Participation // *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 44. № 2. P. 159–171.
- Smith A. E.* (2017). Democratic Talk in Church: Religion and Political Socialization in the Context of Urban Inequality // *World Development*. Vol. 99. P. 441–451.
- Smith L. E., Walker L. D.* (2013). Belonging, Believing, and Group Behavior: Religiosity and Voting in American Presidential Elections // *Political Research Quarterly*. Vol. 66. № 2. P. 399–413.
- Stark R.* (2001). Gods, Rituals, and the Moral Order // *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 40. № 4. P. 619–636.
- Wald K. D., Smidt C. E.* (1993). Measurement Strategies in the Study of Religion and Politics // *Leege D. C., Kellstedt L. A.* (eds.). *Rediscovering the Religious Factor in American Politics*. Armonk: M.E. Sharpe.
- Wielhouwer P. W.* (2017). Religion and American Political Participation // *Guth J. L., Kellstedt L. A., Smidt C. E.* (eds.). *The Oxford Handbook of Religion and American Politics*. Oxford: Oxford University Press. P. 394–426.

The Political Choice of Orthodox Believers in Russia: Strengths and Limitations of Qualitative and Quantitative Approaches to Research

Yulia Karpich

PhD Student, Research Assistant, International Laboratory "Russia's Regions in Historical Perspective", National Research University Higher School of Economics

E-mail: ykarpich@hse.ru

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

Previous studies have shown that religiosity is a heterogeneous concept combining identities, practices, and beliefs. At the same time, most of these studies are based on a quantitative methodology. It allows a relationship between religiosity and the political choice of believers to be found, but imposes a limitation on the analysis. The quantitative methodology does not control the interactions of aspects of religiosity, and cannot explain the discovered relationships. This paper proposes an alternative research strategy, specifically, (1) the proposed model allows an analysis of the multiple influences of both religious and non-religious identities, practices and beliefs, and that (2) the qualitative data collected from in-depth interviews with believers complements previous research of the mechanisms of religious influence on political choice. A subjective assessment of one's position and the actions of the authorities are the most important aspects to the voter (the role of beliefs). An assessment leads to a political choice when (1) a group-identity intensifies the significance of the political problem and poses questions for the individual, and (2) a set of norms and practices provides clues on how to solve a problem. An empirical test of the model was carried out in 2019 in three settlements in the Lipetsk region. The findings illustrate the sufficient potential of the chosen research strategy. The different political choice among respondents, who were expected to have the same political attitudes by quantitative indicators, are explained through the choice of motives and context.

Keywords: Orthodox believers, religiosity, political identity, political preferences, electoral behavior, religion and politics

References

- Bogachev M. (2016) Vocerkovlennost' i politicheskie predpochtenija pravoslavnyh verujushhih: kolichestvennyj analiz [The Church Attendance and Political Preferences of Orthodox Believers: Quantitative Analysis]. *Researches in Religious Studies*, no 13, pp. 8–76.
- Bogachev M. (2017) *Javlenie differencirovannoj vocerkovlennosti pravoslavnyh rossijan i ego svjaz' s partijnymi predpochtenijami* [Differentiated Attachment to the Orthodox Church and Its Connection with Party Preferences in Russia] (PhD Dissertation), Moscow: HSE.
- Bogachev M., Sorvin K. (2019) Politika v Cerkvi: vozdejstvujut li svjashhenniki na jelektoral'nye predpochtenija pravoslavnyh verujushhih? [Politics in the Church: Do Priests Influence the Electoral Preferences of Orthodox Believers?]. *Universe of Russia*, vol. 28, no 4, pp. 68–91.
- Bogachev M., Sorvin K. (2020) Politika v Cerkvi: za kogo agitirujut pravoslavnye svjashhenniki? [Politics in the Church: For Whom Do Orthodox Priests Call to Vote?]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no 3, pp. 331–361.
- Chesnokova V. (2005) *Tesnym putem: process vocerkovlenija naselenija Rossii v konce XX veka* [Close by: Churching Process of Russia's Population at the End of 20th Century], Moscow: Academic Project.
- Djupe P. A., Calfano B. R. (2013) Divine Intervention? The Influence of Religious Value Communication on US Intervention Policy. *Political Behavior*, vol. 35, no 4, pp. 643–663.
- Djupe P. A., Gilbert C. P. (2006) The Resourceful Believer: Generating Civic Skills in Church. *Journal of Politics*, vol. 68, no 1, pp. 116–127.

- Djupe P. A., Grant J. T. (2001) Religious Institutions and Political Participation in America. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 40, no 2, pp. 303–314.
- Djupe, P. A., Gilbert, C. P. (2008) *The Political Influence of Churches*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Driskell R., Embry E., Lyon L. (2008) Faith and Politics: The Influence of Religious Beliefs on Political Participation. *Social Science Quarterly*, vol. 89, no 2. pp. 294–314.
- Filatov S., Lunkin R. (2005) Statistika rossijskoj religioznosti: magija cifr i neodnoznachnaja real'nost [Statistics of Russian Religiosity: The Magic of Numbers and Ambiguous Reality]. *Russia and the Muslim World*, no 10, pp. 42–53.
- Fiorina M. P. (1978) Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-analysis. *American Journal of Political Science*, vol. 22, no 2, pp. 426–443.
- Green J. C. (2007) *The Faith Factor: How Religion Influences American Elections*, Santa Barbara: Praeger.
- Hirschman A. O. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*, Harvard: Harvard University Press.
- Holman M. R., Shockley K. (2017) Messages from Above: Conflict and Convergence of Messages to the Catholic Coter from the Catholic Church Hierarchy. *Politics and Religion*, vol. 10, no 4, pp. 840–861.
- Kaariainen K., Furman D. (2007) Religioznost' v Rossii rubezhe XX–XXI stoletij (Okonchanie) [Religiosity in Russia at the turn of the 20th — 21st Centuries (The Final Part)]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 2, pp. 78–95.
- Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. (2012) Ethnodoxo: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 51, no 4, pp. 638–655.
- Kulkova A. (2015) *Religioznost' i politicheskoe uchastie: rol' politiki v rossijskikh religioznykh obshhinah* [Religiosity and Political Participation: The Role of Politics in Russian Religious Communities]. HSE Working Papers. Series WP14 "Political Theory and Political Analysis", no 2.
- Kuperman A., Sajgal N., Shiller A. (2017) Religija i nacional'naja prinadlezhnost' v Central'noj i Vostochnoj Evrope. Doklad Issledovatel'skogo centra P'ju [Religion and Nationality in Central and Eastern Europe. Pew Research Center Report]. Available at: <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2017/05/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf> (accessed 2 November 2020).
- Layman G. (2001) *The Great Divide: Religious and Cultural Conflict in American Party Politics*, New York: Columbia University Press.
- Lokosov V., Sinelina Y. (2008) Vzaimosvjaz' religioznyh i politicheskikh orientacij pravoslavnyh rossiyan [The Interrelation of Religious and Political Orientations of the Orthodox Believers]. *Religiya v samosoznanii naroda (religioznyj faktor v identifikacionnyh processah)* [Religion in the Self-awareness of the People (a Religious Factor in Identification Processes)] (ed. M. Mchedlov), Moscow: Institut sociologii RAN, pp. 135–158.
- Markin K. (2018) Mezhdru veroj i neveriem: nepraktikujushhie pravoslavnye v kontekste rossijskoj sociologii religii [Between Belief and Unbelief: Non-practicing Orthodox Christians in the Context of the Russian Sociology of Religion]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 2, pp. 274–290.
- Mchedlov M., Filimonov E. (1999) Social'no-politicheskie pozicii verujushhij v Rossii [Socio-political Positions of believers in Russia]. *Sociological Studies*, no 3, pp. 103–107.
- Mchedlov M., Gavrilov Y., Shevchenko A. (2004) Mirovozzrencheskie predpochtenija i nacional'nye razlichija [Worldview Preferences and National Differences]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 95–101.
- Mchedlova M., Kofanova E. (2020) Rossija v ozhidanii peremen: religioznyj faktor i social'no-politicheskie predpochtenija [Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences]. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, no 1. pp. 7–21.
- Peterson S. A. (1992) Church Participation and Political Participation: The Spillover Effect. *American Politics Quarterly*, vol. 20, no 1, pp. 123–139.
- Prutskova E., Markin K. (2017) Tipologija pravoslavnyh rossiyan: problema konstruirovaniya obobshhennogo pokazatelja religioznosti [Typology of Orthodox Russians: The Problem of Constructing a Generalized Religiosity Indicator]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 95–105.

- Putnam R. D., Campbell D. E. (2012) *American Grace: How Religion Divides and Unites Us*, New York: Simon & Schuster.
- Schwadel P. (2005) Individual, Congregational, and Denominational Effects on Church Members' Civic Participation. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 44, no 2, pp. 159–171.
- Sinelina Y. (2009) Jetapy izmenenija religioznosti naselenija v Rossii (1989–2006) [Stages of Changes in the Religiosity of the Population in Russia (1989–2006)]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no 4, pp. 77–88.
- Sitnikov A. (2007) Vlijanie pravoslavlja na politicheskie predpochtenija grazhdan Rossii [Influence of Orthodoxy on the Political Preferences of the Citizens of Russia]. *Sociology of Power*, no 3, pp. 129–135.
- Sitnikov A. (2011) Religija v demokraticeskom obshhestve: kak vlijaet vocerkovlennost' na politicheskuju kul'turu? [Religion in Democratic Society: What is the Impact of Attachment to the Church on Political Culture?]. *St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, no 20, pp. 19–28.
- Sitnikov A. (2012) *Pravoslavie, instituty vlasti i grazhdanskogo obshhestva v Rossii* [Orthodoxy, Institutions of Government and Civil Society in Russia], Saint Petersburg: Aletheia.
- Smith A. E. (2017) Democratic Talk in Church: Religion and Political Socialization in the Context of Urban Inequality. *World Development*, vol. 99, pp. 441–451.
- Smith L. E., Walker L. D. (2013) Belonging, Believing, and Group Behavior: Religiosity and Voting in American Presidential Elections. *Political Research Quarterly*, vol. 66, no 2, pp. 399–413.
- Stark R. (2001) Gods, Rituals, and the Moral Order. *Journal for the Scientific Study of Religion*, vol. 40, no 4, pp. 619–636.
- Tarusin M. (2006) *Real'naja Rossija: social'naja stratifikacija sovremennogo rossijskogo obshhestva* [Real Russia: Social Stratification of Contemporary Russian Society], Moscow: "Expert" Journal.
- Ukhvatova M. (2018) Religija i jelektoral'noe povedenie v Rossii: regional'nyj aspekt [Religion and Electoral Behavior in Russia: Regional Dimension]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, no 4, pp. 26–48.
- Ukhvatova M. (2018) Naputstvija ohranitelej (religioznaja ritorika na inauguracijah rossijskih gubernatorov) [Blessing of the Guardians (Religious Rhetoric at Inauguration of Governors in Russia)]. *Politeia*, no 2, pp. 84–101.
- Wald K. D., Smidt C. E. (1993) Measurement Strategies in the Study of Religion and Politics. *Rediscovering the Religious Factor in American Politics* (eds. D. C. Leege, L. A. Kellstedt), Armonk: M.E. Sharpe.
- Wielhouwer P. W. (2017) Religion and American Political Participation. *The Oxford Handbook of Religion and American Politics* (eds. J. L. Guth, L. A. Kellstedt, C. E. Smidt), Oxford: Oxford University Press, pp. 394–426.
- Zorkaja N. (2009) Pravoslavie v bezreligioznom obshhestve [Orthodoxy in the Irreligious Society]. *Russian Public Opinion Herald*, no 2, pp. 65–84.